

Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ.

Изъ всѣхъ вопросовъ науки, безспорно, наиболѣе жизненный—это вопросъ о законахъ общественнаго развитія. Къ познанію этихъ законовъ не можетъ не стремиться всякая личность, сознающая свою живую, неразрывную связь съ опредѣленной группой, націей, классомъ, со всѣмъ человѣчествомъ. Такой личности необходимо знать, чего она можетъ ожидать, на что надеяться для той коллективности, къ которой принадлежитъ, и для себя самой, какъ дѣятельнаго члена этой коллективности. Найти сколько-нибудь достовѣрный отвѣтъ на эти вопросы немислимо безъ яснаго пониманія основныхъ законовъ жизни общества.

Но здѣсь трудности изслѣдованія чрезвычайно велики. Предметъ его такъ близокъ къ жизненнымъ интересамъ самого изслѣдующаго, что не легко избѣгнуть субъективизма, искажающаго истину: человѣкъ невольно окрашиваетъ изучаемую дѣйствительность въ оттѣнокъ своихъ склонностей и стремленій, невольно смѣшиваетъ хотя отчасти желаемое съ возможнымъ и необходимымъ. И въ то же время предметъ изученія такъ безконечно сложенъ, что въ высшей степени легко запутаться въ переплетающихся звеньяхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, и неправильно представить себѣ отношенія вещей. Эти условія долго задерживали научное познаніе законовъ общественнаго развитія.

Въ 1859 году былъ сдѣланъ рѣшающій шагъ въ этомъ направленіи. Величайшій соціологъ того времени, въ предисловіи

къ одной изъ своихъ экономическихъ работъ, сжато и ясно формулировалъ рядъ руководящихъ идей, на которыя съ успѣхомъ могло опираться съ тѣхъ поръ научное изслѣдованіе жизни общества. Мы приведемъ здѣсь наиболѣе существенную часть этой формулировки.

«Въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственные отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ социальныя, политическія и духовныя явленія жизненнаго процесса. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ. Съ измѣненіемъ экономическаго фундамента рушится, рано или поздно, все прежнее зданіе, въ немъ построенное»... *).

*) «Zur Kritik der politischen Oekonomie», предисловіе, русск. перев., стр. X.

«Матеріальныя производительныя силы» означаютъ всю сумму средствъ производства плюсъ сумму техническихъ приемовъ, умѣнья людей пользоваться этими средствами. Понятіе, какъ видимъ, довольно сложное.

«Производственные отношенія» — еще болѣе сложное понятіе. Сюда входятъ: во-1-хъ, отношенія людей въ самомъ процессѣ труда—простое сотрудничество, раздѣленіе труда и т. п.; во-2-хъ, от-

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, теорія, въ нихъ выраженная, все болѣе распространялась и упрочивалась въ наукѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи была объяснена масса историческихъ событій, и не находилось такихъ фактовъ, которые бы ей противорѣчили. Даже многіе изъ писателей, ее отвергавшихъ, невольно поддавались ея вліянію и своими работами доставляли новые аргументы въ ея пользу. За четыре съ лишнимъ десятка лѣтъ не было создано исторической теоріи, сколько-нибудь способной съ нею конкурировать.

Однако, за это время многое измѣнилось. Всѣ области науки развивались съ величайшей быстротой: эволюціонное міровоззрѣніе достигло гораздо большей полноты и ясности; по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя доктрины, входящія въ его составъ, развертывались шире и становились точнѣе, все болѣе упрочивалась и выступала все очевиднѣе ихъ взаимная связь, ихъ тѣсное единство. При такихъ условіяхъ и къ историко-философской теоріи стало возможно предъявить нѣкоторыя новыя требованія.

Старая формулировка историческаго монизма, не переставая быть вѣрною въ своей основѣ, уже не вполне насъ удовлетворяетъ. Въ ней можно найти извѣстную неполноту: она не выясняетъ намъ, въ чемъ заключается непосредственное жизненное значеніе цѣлой обширной области общественныхъ явленій,—

ношенія собственности — «имущественныя отношенія», какъ говоритъ Марксъ: обладаніе землею, капиталомъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ съ одной стороны, отсутствіе такого обладанія—съ другой и т. д. Все это соединяется въ понятіи «экономической структуры» общества, или просто его «экономики». Тотъ же смыслъ имѣетъ выраженіе «Формы общественнаго бытія людей».

«Формы сознанія людей» означаютъ здѣсь міровоззрѣніе людей, ихъ предразсудки и ихъ знанія, ихъ науку, философію и т. п. Вмѣстѣ съ правовыми и политическими отношеніями людей все это объясняется въ общемъ понятіи «формъ идеологическихъ», которыя и образуютъ «надстройку» на «экономическомъ фундаментѣ». Эти архитектурные термины надо понимать просто въ томъ смыслѣ, что «экономика» опредѣляетъ собою «идеологию».

не выясняетъ, почему идеологія нужна обществу, для чего она ему служить, и въ какой мѣрѣ она необходима *); при этомъ остается также въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько идеологія существенно *однородна* или *разнородна* съ «экономикой». Далѣе, старая формулировка страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью своихъ основныхъ понятій; особенно относится это къ понятію «экономической структуры» общества, въ которую входятъ, между прочимъ, «имущественныя отношенія», т. е. въ сущности *правовыя* отношенія собственности, тогда какъ «правовая надстройка» вообще причислена къ формамъ идеологіи **). Наконецъ, въ старой формулировкѣ не установлена—да и не могла быть установлена—логическая связь этой теоріи съ ученіемъ о развитіи въ другихъ областяхъ жизни; а въ наше время потребность въ единствѣ научнаго міровоззрѣнія настойчиво напоминаетъ о необходимости выясненія этой связи. Возникаетъ рядъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ сама теорія можетъ болѣе или менѣе значительно измѣнить свой видъ.

Для достиженія намѣченной нами цѣли, мы избираемъ тотъ путь, который не разъ уже въ аналогичныхъ случаяхъ примѣнялся наукою. Современное развитіе психологіи до степени сравнительно точной науки основывается на внесеніи въ нее фізіологической точки зрѣнія и фізіологическихъ методовъ. Такую же услугу оказала фізіологіи физико-химическая точка зрѣнія съ ея методами, а химіи и физикѣ — математика. Къ наукѣ менѣе развитой и менѣе выработанной примѣняются приемы и руководящія идеи науки болѣе развитой и разрабо-

*) Въ нашей литературѣ можно встрѣтить и такую точку зрѣнія, для которой идеологія представляется чѣмъ-то не существенно-необходимымъ въ жизни общества, не то украшеніемъ, не то забавой, чѣмъ-то такимъ, что находитъ свое наиболѣе чистое, наиболѣе типическое выраженіе въ «воздушныхъ замкахъ» метафизики

**) Какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, и понятіе «производительныхъ силъ» должно быть измѣнено въ интересахъ научной точности.

танной, которая изслѣдуетъ явленія по существу однородныя съ первою, но болѣе простыя и болѣе общаго характера. Соціологія—наука объ общественной жизни—находится именно въ такомъ отношеніи къ біологіи — наукѣ о жизни вообще. Итакъ, мы постараемся выяснить, въ какомъ видѣ представляется общественная жизнь и развитіе съ точки зрѣнія законовъ жизни и развитія вообще *).

Конечно, всякое подобное примѣненіе идей одной науки въ сферѣ другой должно еще само оправдать себя. Его законность должна быть доказана фактически—именно тѣмъ, что выводы, полученные съ помощью этого приѣма, не только не окажутся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но и позволятъ по-
понять ее глубже, яснѣе, полнѣе. Надо на дѣлѣ испытать методъ, чтобы узнать его истинную цѣнность. Освѣщая факты теоріей, намъ придется постоянно контролировать теорію фактами, и отсутствіе противорѣчія между обѣими сторонами будетъ ручательствомъ за истину.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ какъ можно отчетливѣе формулировать тѣ общія идеи науки о жизни, которыя послужатъ намъ исходной точкой для выясненія законовъ общественнаго развитія. Только самыя точныя понятія могутъ служить надежнымъ орудіемъ при изслѣдованіи такого сложнаго, такого труднаго—но и такого важнаго вопроса, какъ тотъ, который насъ теперь занимаетъ.

*) Многіе изъ теоретиковъ историческаго матеріализма пытались установить связь этого ученія съ идеями современной біологіи. Но почти всѣ такія попытки страдали однимъ общимъ недостаткомъ—предвзятой эклектичностью: заранѣе предполагалось, что общіе законы жизни подвергаются какому-то ограниченіямъ въ сферѣ жизни общественной, и усилія направлялись къ тому, чтобы опредѣлить эти ограниченія и ихъ результаты. Это такой же неудачный приѣмъ, какъ если бы фізіологъ въ своемъ изслѣдованіи заранѣе предположилъ, что въ сферѣ фізіологическихъ процессовъ законы физико-химическіе могутъ отчасти нарушаться, и сталъ бы спеціально искать этихъ нарушеній.

I.

Идея приспособленія

Во всѣхъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ жизни — растительной и животной, физиологической и психической, индивидуальной и общественной — познаніе находитъ много общаго. Именно это общее и служить основою для той идеи, которая будетъ руководить нашимъ изслѣдованіемъ, — для *идеи приспособленія*. Выяснимъ содержаніе этой идеи. Прежде всего — что приспособляется?

Наблюдая различные жизненные процессы, мы находимъ, что каждый изъ нихъ протекаетъ съ извѣстнымъ однообразіемъ и постоянствомъ, по опредѣленному типу. Это однообразіе, постоянство, типичность позволяетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объединить рядъ явленій жизни въ понятіе объ опредѣленной *формѣ жизни*. Данная органическая клѣтка, данный организмъ, общество, видъ и т. д. — все это особыя формы жизни. Одна и та же форма жизни, положимъ, человѣческій организмъ, можетъ слагаться изъ множества взаимно связанныхъ *формъ* болѣе простыхъ — въ данномъ случаѣ, клѣточныхъ элементовъ, — и входитъ, какъ часть, въ составъ *формъ* болѣе сложныхъ, напр., данное общество, данный видъ.

Форма жизни и есть то, что приспособляется. Что же значитъ — «приспособляться»?

Всякая форма жизни находится въ опредѣленной *среде*, которая производитъ на нее различныя воздѣйствія, оказываетъ на нее различныя «вліянія». Если форма жизни измѣняется, если теченіе жизненнаго процесса уклоняется отъ обычнаго, то со стороны среды мы ищемъ измѣняющихъ вліяній, которыя обуславливали бы это уклоненіе. Напр., когда измѣняются соотношенія человѣческаго организма — вырождаются одни его элементы, чрезмерно развиваются другіе, совсѣмъ отмираютъ третьи, — мы стремимся найти исходную точку этихъ перемѣнъ въ различныхъ вѣшнихъ условіяхъ жизни организма — въ дѣйствіи воздуха, пищи, общественной среды, въ механическихъ

воздѣйствіяхъ и т. п. *) Измѣненія жизненной формы находятся въ постоянной зависимости отъ вліянія ея среды, эта зависимость есть частное выраженіе *всеобщей причинности явленій*

Изъ всѣхъ проявленій зависимости формы отъ ея среды два особенно важны для біолога: сохраненіе и разрушеніе формъ. Въ данной средѣ сохраняются формы опредѣленного типа (или опредѣленныхъ типовъ); формы иныхъ типовъ разрушаются. Лапландскій мохъ, сѣверный олень, эскимось выживаютъ среди природы полярныхъ странъ; но финиковая пальма, верблюдъ, арабъ неминуемо погибли бы, если бы перенести ихъ туда. По отношенію же къ той средѣ, какую представляетъ природа тропическихъ странъ, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Однѣ формы жизни *приспособлены* къ одной средѣ, другія — къ другой.

«Приспособленный къ данной средѣ» это только и означаетъ — сохраняющійся въ данной средѣ, и ничего болѣе. Такимъ образомъ, слова «выживаніе приспособленныхъ» представляли бы простой плеоназмъ, если бы подъ ними не подразумѣвалось нѣчто большее. чѣмъ въ нихъ непосредственно сказано. Подразумѣвается именно *строгая закономерность*, въ силу которой при данныхъ условіяхъ среды сохраняются формы данного строенія, данного типа и разрушенія формъ въ зависимости отъ ихъ среды и составляетъ сущность «естественнаго подбора» формъ жизни **).

*) А не бываетъ ли причиной жизненныхъ уклоненій *наслѣдственность*? Нѣтъ, она только передаетъ ихъ отъ одного поколѣнія другому, а причины этихъ уклоненій и тогда лежать во внѣшней средѣ, вліявшей на организмы предковъ. Но вѣдь встрѣчаются «враждебныя» уклоненія, которыхъ у предковъ не было? Они зависятъ отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ вліяній на зародышъ во время его развитія. Даже если измѣняющія вліянія идутъ при этомъ со стороны родительскаго организма, зависятъ, напр., отъ его разстройства, то вѣдь и родительскій организмъ есть *среда* для зарождающагося въ немъ новаго организма.

**) Съ понятіемъ естественнаго подбора неразрывно связано представленіе о *конкуренціи* организмовъ. И это вполне понятно

Въ дѣйствительности *исполнѣ* приспособленныхъ формъ не существуетъ: онѣ должны были бы вѣчно сохраняться, что никогда не наблюдается. Бываютъ только формы болѣе приспособленные и менѣе приспособленные, т. е. такія, которыя живутъ чаще, сохраняются дольше, и такія, которыя разрушаются легче, погибаютъ скорѣе. Первыя составляютъ меньшинство, вторыя—громадное большинство; но первыя размножаются, а вторыя исчезаютъ послѣ короткаго, незаконченнаго жизненнаго цикла, не оставивъ потомковъ. Такимъ путемъ формы болѣе приспособленные получаютъ преобладаніе, и постоянно изъ меньшинства превращаются въ большинство. Но размноженіе всегда создаетъ новыхъ формъ больше, чѣмъ можетъ сохраняться въ той ограниченной области, которая на землѣ доступна для жизни. Поэтому изъ всякаго новаго большинства опять должно выдѣлиться болѣе приспособленное меньшинство, которое въ свою очередь станетъ большинствомъ. Такъ природа непрерывно подбираетъ наиболѣе приспособленныхъ и выдвигаетъ ихъ на первый планъ.

Какъ все въ природѣ, формы жизни постоянно измѣняются подъ различными дѣйствіями среды. Клетка, организмъ въ каж-

потому что конкуренція есть дѣйствительно, одинъ изъ наиболѣе важныхъ и распространенныхъ случаевъ проявленія естественнаго подбора; въ ней выражается зависимость организма отъ существующихъ въ его внѣшней средѣ другихъ организмовъ однороднаго типа; для cadaго изъ нихъ другіе, съ нимъ конкурирующие, представляютъ одно изъ вредныхъ, разрушительныхъ вліяній среды. Но естественный подборъ дѣйствуетъ и помимо всякой конкуренціи. Напр., если климатъ страны становится болѣе суровымъ, то многіе организмы и цѣлыя виды могутъ погибнуть, т. е. быть устранены подборомъ, вовсе не потому, что другіе организмы и виды конкурируютъ съ ними, а просто потому, что оказались не въ состояніи перенести суровый климатъ. Точно также не приходится говорить о конкуренціи, если, положимъ, вновь переселившіеся въ страну птицы истребятъ цѣлыя виды мѣстныхъ насѣкомыхъ: какая ужъ конкуренція между хищникомъ и жертвою—вѣдь они не дѣлятъ между собою однихъ и тѣхъ же средствъ къ жизни, по отношенію къ которымъ были бы конкурентами.

дую послѣдующую минуту уже не совсѣмъ то, чѣмъ они были въ предыдущую; общество, видъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ слагается уже не изъ тѣхъ, и не вполне такихъ особей, какъ прежде. Не только происходитъ непрерывная смѣна матерій и энергій, образующихъ форму жизни, но измѣняются также непрерывно строенія и свойства этой формы. Большая часть этихъ перемѣнъ происходитъ медленно и постепенно, ускользая отъ нашего сознанія; нѣкоторыя совершаются быстро и рѣзко, иногда поражая сознаніе своей неожиданностью.

Все измѣненія формъ жизни оказываютъ то или иное вліяніе на степень ихъ приспособленности: либо уменьшаютъ ее, либо увеличиваютъ. Въ первомъ случаѣ для данныхъ формъ возрастаютъ шансы пораженія въ жизненной борьбѣ, возникаетъ тенденція къ ихъ вымиранію; во второмъ—онѣ завоевываютъ все болѣе мѣста въ экономіи природы, замѣняя и вытѣняя формы вымирающія. Такимъ образомъ, хотя повышеніе приспособленности происходитъ лишь въ меньшинствѣ случаевъ, но именно этимъ случаямъ принадлежитъ наиболѣе важная роль въ общей системѣ жизни. Изъ всѣхъ измѣненій формъ, жизнь подбираетъ тѣ, которыя увеличиваютъ приспособленность, которыя имѣютъ характеръ *приспособленія*.

Формы приспособленія безконечно разнообразны: природа пользуется самыми различными средствами для увеличенія суммы жизни, для ея побѣды въ борьбѣ съ неорганическимъ міромъ. Измѣненіе въ устройствѣ когтей или зубовъ, въ размѣрахъ тѣла или цвѣтѣ шерсти, выработка новаго рефлекса, преобразование прежняго инстинкта, варіація прежней привычки, новая комбинація образовъ сознанія и вѣлннхъ движеній организма—все это можетъ оказаться приспособленіемъ, если это увеличиваетъ жизнеспособность данной формы. Тутъ не имѣетъ значенія различіе физическихъ и психическихъ измѣненій—тѣ и другія одинаково пригодны, какъ орудія сохраненія и расширенія жизни. То, что въ одномъ случаѣ достигается физическимъ приспособленіемъ, въ другомъ достигается психическимъ: для защиты даннаго вида организмовъ отъ однихъ и

тѣхъ же враговъ одинаково можетъ послужить перемѣна въ окраскѣ покрововъ, или выработка соотвѣтственныхъ инстинктовъ. *Какъ процессъ приспособленія, жизнь однородна во всѣхъ своихъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ.*

II.

Чтобы выяснитъ себѣ основныя черты процесса приспособленія, мы рассмотримъ его связь и послѣдовательность на сравнительно конкретномъ примѣрѣ.

Въ определенной странѣ, среди опредѣленнаго климата, флоры, фауны обитаетъ порода птицъ, приспособленная къ внѣшнимъ условіямъ своей жизни настолько, что не вымираетъ, хотя и не настолько, чтобы вытѣснять другія, конкурирующія породы. Такое устойчивое существованіе можетъ продолжаться много тысячелѣтій, если не будутъ измѣняться условія среды. Но въ природѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго; съ большей или меньшей быстротой, всякая данная среда измѣняется, и рано или поздно это оказываетъ вліяніе на судьбу жизненныхъ формъ.

Представимъ себѣ одно изъ простѣйшихъ измѣненій среды: климатъ становится болѣе холоднымъ и болѣе континентальнымъ; зимы дѣлаются все суровѣе. Въ эту пору года очень многіе изъ мѣстныхъ видовъ оказываются сравнительно неприспособленными: къ числу ихъ относится и та порода птицъ, которую мы избрали для своего примѣра. Пищи зимой очень мало, а жестокіе морозы убійственно дѣйствуютъ на ослабленные голоданіемъ организмы. Неприспособленность означаетъ необходимость приспособленія.

Въ такія эпохи сильно возрастаетъ измѣнчивость формъ жизни: измѣняющіяся внѣшнія условія порождаютъ массу разнообразныхъ измѣненій въ ихъ строеніи, физическомъ и психическомъ *).

Естественный подборъ подхватываетъ наиболѣе вы-

*) Строеніе органическихъ формъ такъ сложно и такъ тонко, что сравнительно однообразныя и простыя внѣшнія вліянія вызываютъ въ нихъ рядъ сложныхъ и разнообразныхъ измѣненій.

годныя изъ этихъ измѣненій, устраняя тѣ формы, которыя измѣняются менѣе выгоднымъ образомъ. Въ нашемъ случаѣ развивается, положимъ, особый инстинктъ, побуждающій птицъ перелетать съ наступленіемъ осени въ болѣе теплыя страны, гдѣ имъ не угрожаютъ въ такой степени холодъ и голодъ, и возвращаться только весною. Это новая *форма приспособленія*, соотвѣтствующая новымъ условіямъ среды.

Какъ видимъ, *движущая сила, создающая новыя приспособленія, лежитъ въ отношеніяхъ органической формы къ ея средѣ.*

Но здѣсь выступаетъ еще вопросъ: откуда берется тотъ матеріалъ, изъ котораго создаются эти новыя приспособленія?

Въ нашемъ примѣрѣ, инстинктъ зимнихъ перелетовъ могъ развиваться мало-по-малу хотя бы изъ того инстинкта, который выражается въ обычныхъ небольшихъ перелетахъ птицъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей: съ ухудшеніемъ климата подобные перелеты должны были въ холодное время принимать все болѣе опредѣленное направленіе, въ сторону тепла и свѣта, и все болѣе удлиняться... Также и какой-нибудь иной аналогичный жизненный матеріалъ могъ послужить для развитія новаго инстинкта. Во всякомъ случаѣ, согласно закону причинности, приспособленіе это возникло не изъ ничего а изъ элементовъ, уже имѣвшихся въ наличности, *изъ элементовъ старыхъ приспособленій, съ которыми оно болѣе или менее однородно.* Въ этомъ смыслѣ жизнь не создаетъ ничего существенно новаго: новое всегда однородно съ тѣмъ старымъ, изъ котораго произошло.

Наблюдая развитіе жизни, мы видимъ, какъ изъ прежнихъ элементовъ создаются новыя и новыя комбинаціи, какъ изъ немногихъ простыхъ приспособленій возникаютъ многочисленныя сложныя. Высшіе организмы съ ихъ громаднымъ богатствомъ приспособленій произошли отъ какихъ-нибудь одноклѣточныхъ, подобныхъ нынѣшнимъ амебамъ; человѣкъ со всей его психической жизнью развивается изъ простой зародышевой клѣтки съ самыми элементарными отправленіями... Восходя отъ

высоко-организованныхъ формъ къ тѣмъ простѣйшимъ, изъ которыхъ онѣ произошли, мы видимъ, какъ громадныя различія уступаютъ свое мѣсто все большему однообразію. Это приводитъ насъ къ мысли объ *единомъ началѣ жизни*... Но если начало жизни одно, а всякая новая жизнь однородна съ той старою, которой была порождена, то *вся проявленія жизни по существу однородны*. Это монистическій взглядъ на развитіе.

Однако, вернемся къ нашему примѣру. Никакое новое приспособленіе не бываетъ совершеннымъ; измѣняя прежнія отношенія органической формы къ ея средѣ, оно порождаетъ обыкновенно и новую неприпособленность, иногда болѣе, иногда менѣе значительную. Это относится и къ инстинкту перелетовъ у птицъ. Громадныя воздушныя путешествія сопровождаются страшнымъ утомленіемъ и многочисленными опасностями. Эта неприспособленность можетъ оказаться очень серьезной, можетъ очень сильно подрывать жизнеспособность вида. Тогда необходимы новыя приспособленія; и они являются, если условія достаточно благоприятны. Развивается, положимъ, стадный инстинктъ, и птицы, вмѣсто того, чтобы летать въ одиночку, путешествуютъ большими стаями. При этомъ опасности со стороны враговъ, напр., хищныхъ птицъ, значительно уменьшаются; уменьшается также степень утомленія, потому что механическія условія полета для стаи выгоднѣе, чѣмъ для отдѣльной птицы—сопротивленіе воздуха относительно меньше.

Такъ возникаетъ вторичное приспособленіе, возникаетъ въ силу новой неприспособленности, или «потребности», порожденной предшествующимъ, первичнымъ приспособленіемъ. И здѣсь, конечно, матеріаломъ для развитія должны послужить какія-нибудь прежнія приспособленія; напр., для стадныхъ инстинктовъ такую роль могли сыграть гораздо болѣе узкіе инстинкты семейные, съ которыми они по характеру однородны.

Въ свою очередь, и вторичныя приспособленія могутъ порождать новую неприспособленность, вызывать необходимость дальнѣйшихъ приспособленій третьяго рода, и т. д. Напр., стайныя путешествія создаютъ потребность въ системѣ сигналовъ.

Для большой стаи въ пути надо много пищи, и потому необходимо, чтобы каждая изъ птицъ, увидѣвшая гдѣ-нибудь хорошую добычу, такъ или иначе сообщала это другимъ; точно также должны существовать другіе сигналы на случай опасности, чтобы врагамъ не удавалось захватить стаю врасплохъ, и т. под. Для этихъ приспособленій исходной точкой могли послужить, положимъ, хотя бы раньше существовавшіе призывные сигналы между самкою и самцомъ, или «сочувственныя» движенія мускуловъ, связанныхъ съ дыхательнымъ аппаратомъ *)

Нашъ примѣръ можно было бы развить дальше, можно было бы привести еще рядъ другихъ примѣровъ; но и приведеннаго достаточно для того, чтобы выяснитъ три основныя, наиболѣе важныя для насъ черты процесса приспособленія:

1) Исходной точкой этого процесса являются *измѣняющіяся отношенія жизненныхъ формъ къ ихъ средѣ*; въ области этихъ отношеній возникаетъ *движущая сила развитія*.

2) Новыя приспособленія, порождая новыя формы неприспособленности, могутъ вызывать необходимость и въ другихъ еще приспособленіяхъ: *первичныя* формы приспособленія даютъ толчокъ къ развитію *вторичныхъ*, и т. д.

3) Матеріаломъ для новыхъ приспособленій служатъ наличные уже элементы жизненнаго процесса, такъ что развитіе *никогда не создаетъ ничего по существу новаго*.

Памъ остается еще отмѣтить существованіе двухъ рѣзко различающихся типовъ развитія. Въ нашемъ примѣрѣ представленъ одинъ изъ нихъ: къ прежнимъ приспособленіямъ прибав-

*) «Сочувственныя движенія», это такія мускульныя сокращенія, которыя въ фізіологическомъ смыслѣ непосредственно-безполезны, но неизбежны вслѣдствіе самаго устройства нервныхъ центровъ: движенія эти возникаютъ благодаря тому, что процессъ перваго возбужденія распространяется съ нервныхъ центровъ, выполняющихъ необходимую по обстоятельствамъ работу, на другіе, связанные съ ними центры. Сюда относится, напр., невольный крикъ при нѣкоторыхъ рѣзкихъ движеніяхъ, судорожно сжатіе зубовъ при подниманіи большихъ тяжестей, и т. под.

ляются новыя, при томъ все болѣе сложныя и разнообразныя сумма приспособленій органической формы возрастаетъ; а такъ какъ они являются матеріаломъ для дальнѣйшихъ приспособленій, то, очевидно, *возрастаетъ и возможность приспособленія вообще*. Это прогрессивный типъ развитія. Но бываютъ и иного рода случаи; сущность ихъ заключается въ томъ, что форма жизни просто утрачиваетъ нѣкоторые приспособленія, ставшія съ измѣненіемъ среды излишними или даже вредными. Такъ, у животныхъ, которыя поселяются въ глубинѣ темныхъ пещеръ, органъ зрѣнія становится не только ненужнымъ по своей бесполезности, но и крайне неудобнымъ источникомъ поврежденій, какъ приспособленіе весьма тонкое и нѣжное по своей организации; онъ атрофируется и исчезаетъ. И здѣсь форма жизни *приспособляется*, потому что это измѣненіе выгодно для ея сохраненія; но *возможность дальнѣйшаго развитія, очевидно, уменьшается*; такъ что передъ нами скорѣе минуетъ, чѣмъ плюсъ въ развитіи жизни. Это регрессивный типъ приспособленія.

Такъ какъ регрессивное развитіе само создаетъ для себя границы, то не ему, конечно, принадлежитъ преобладающая роль въ системѣ жизни. Но все же регрессивное развитіе довольно частое явленіе въ природѣ. Особенно характерно оно для организмовъ *паразитическихъ*. У паразитическихъ животныхъ, которыя проводятъ жизнь присосавшись къ какому-нибудь самостоятельному организму, процессъ приспособленія отнимаетъ иногда почти все органы чувствъ и движенія, превращая этихъ животныхъ въ живые мѣшки съ функциями питания и размноженія *).

*) Регрессивное развитіе не надо смѣшивать съ простой деградацией, которая заключается въ томъ, что неприспособленность шагъ за шагомъ разрушаетъ форму жизни, а приспособленія совсѣмъ не создается. Напр., если организмъ слабѣетъ отъ болѣзни, тогда какъ силы ему нужны для жизни, то это деградация, а не регрессивное развитіе; но если паразитъ утрачиваетъ мускульную силу, которая ему не нужна, это — регрессивное развитіе.

Оба типа развитія — прогрессивное и регрессивное — встрѣчаются и въ общественной жизни.

III.

Переходя къ явленіямъ общественнаго развитія, мы прежде всего сталкиваемся съ такимъ вопросомъ: возможно ли вообще сравнить соціальныя формы съ біологическими формами приспособленія? Имѣемъ ли мы основаніе разсматривать общественное цѣлое, подобно всякой иной формѣ жизни, какъ определенный комплексъ *приспособленій*, сложившихся въ жизненной борьбѣ.

Внимательно вглядываясь въ различные элементы соціального существованія людей, мы легко убѣждаемся, что они *фактически представляютъ изъ себя именно приспособленія людей въ ихъ борьбѣ за жизнь*, а не что-либо иное. Эта мысль ничѣмъ не можетъ быть опровергнута, потому что за нее говорятъ безчисленные факты, и нѣтъ другихъ фактовъ, которые бы ей противорѣчили.

Справедливость такого воззрѣнія выступаетъ всего очевиднѣе въ сферѣ непосредственной борьбы человека съ внѣшней природой, въ области «техническаго» процесса. Сущность «техническихъ формъ» составляютъ выработанные людьми приемы воздѣйствія на природу въ интересахъ своего сохранения и развитія: умѣнье пользоваться тѣмъ или инымъ орудіемъ, умѣнье находить и обрабатывать тотъ или иной матеріалъ... Ясно, что умѣние примѣнять для борьбы съ внѣшней природой топоръ и машину настолько же является приспособленіемъ, какъ, положимъ, умѣнье владѣть зубами или когтями, умѣнье строить дома—насколько же, какъ умѣнье строить гнѣзда и т. под.

То же относится и ко всей области технического, а затѣмъ и научнаго познанія. Если инженеръ *вычисляетъ* линію наименьшаго сопротивленія (или наибольшаго дѣйствія), а животное опредѣляетъ ее *инстинктивно*, растеніе же, насколько можно судить по новѣйшимъ наблюденіямъ, напр., надъ движе-

ніями корней, слѣдуетъ ей рефлекторно, то разница здѣсь только въ способѣ, которымъ достигается приспособленность, а не въ общемъ біологическомъ значеніи факта. Геометрія есть «чистая наука», и весьма отвлеченная; но ея жизненное значеніе заключается въ безчисленныхъ практическихъ ея примѣненіяхъ. напр., для цѣлей механики, архитектуры и т. под.; для этихъ-то практическихъ примѣненій отвлеченные идеи геометріи и служатъ съ одной стороны исходной точкой, съ другой — объединяющимъ звеномъ. Если вырвать отдѣльную идею этой науки изъ ея связи съ другими, то можетъ показаться, что ни о какомъ «приспособленіи» къ борьбѣ съ внѣшней природой тутъ не должно быть и рѣчи; но если геометрія въ цѣломъ является могучимъ орудіемъ этой борьбы, то и отдѣльныя идеи, входящія, какъ элементы, въ необходимую связь, представляютъ изъ себя также, если не цѣлыя приспособленія, то *части приспособленій*. Точно также самое далекое отъ жизни философское понятіе служить для связи и объединенія массы другихъ понятій, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ жизненной борьбѣ и является приспособленіемъ вмѣстѣ съ ними и черезъ нихъ*).

Далѣе, что касается формъ обычая, права, нравственности, то въ нихъ характеръ *приспособленія* выступаетъ [еще съ большею очевидностью. Ихъ жизненное значеніе состоитъ въ томъ, что онѣ приспособляютъ людей къ общественно-трудовой жизни, дѣлая цѣлесообразными отношенія людей въ процессѣ ихъ совмѣстной борьбы съ внѣшней природой. Такъ, положимъ, обычай патріархальнаго гостепріимства, обезпечивая людямъ поддержку другихъ людей въ трудахъ и опасностяхъ путешествій, давая имъ возможность учиться другъ у друга, облегчая ихъ взаимныя отношенія, вообще расширяя область сотрудничества на раннихъ ступеняхъ развитія, чрезвычайно много содѣйствовалъ побѣдѣ человѣчества надъ стихійной природой;

*) Болѣе обстоятельному выясненію вопроса о познаніи, какъ приспособленіи, посвящена наша работа «Познаніе съ исторической точки зрѣнія» (вся I часть).

право собственности, охраняя производителя отъ насилій, которыя могли бы лишить его орудій и продуктовъ его труда, гарантируя для него непрерывную возможность успѣшно трудиться, представляло для общества съ самостоятельнымъ мелкимъ производствомъ весьма полезное приспособленіе въ борьбѣ за жизнь. Нравственные стремленія альтруизма и справедливости устанавливаютъ между членами общества отношенія взаимной помощи и ограничиваютъ отношенія взаимной вражды что очевиднымъ образомъ ведетъ къ увеличенію общественно-трудовой энергіи вообще, и къ повышенію полезности отдѣльных ея затратъ—въ частности.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сама собой подразумѣвается одна общая біологическая оговорка. Подобно тому какъ въ организмахъ сохраняются различные «рудиментарные» органы, которые прежде были полезными приспособленіями, а въ настоящемъ уже бесполезны или даже вредны (у человѣка, напр., червеобразный отростокъ слѣпой кишки, мужскіе сосцы, зубы мудрости), подобно этому и въ общественной жизни наряду съ дѣйствительными приспособленіями наблюдаются частью бесполезные, частью вредные пережитки прошлаго; въ наше время особенно много такихъ пережитковъ можно найти въ сферѣ правовой и нравственной жизни. Но и они являются приспособленіями по своему генезису и первоначальной роли.

Далѣе, то, что служить полезнымъ приспособленіемъ для одной части общества, нерѣдко оказывается для другой совѣмъ не приспособленіемъ, иногда даже источникомъ неприспособленности. Такъ, правовыя формы и формы нравственности, цѣлесообразныя съ точки зрѣнія феодаловъ конца среднихъ вѣковъ, совѣмъ не представлялись таковыми съ точки зрѣнія ихъ крестьянъ и нарождавшейся буржуазіи городовъ. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что жизнь общества не обладаетъ безусловнымъ органическимъ единствомъ: въ цѣломъ рядѣ случаевъ общество выступаетъ какъ сложный комплексъ относительно самостоятельныхъ формъ жизни, приспособляющихся очень часто не только независимо одна отъ другой, но даже одна во вредъ

другой. И опять-таки, то же самое, въ большей или меньшей степени, примѣнимо и ко всѣмъ вообще сложнымъ формамъ жизни: не говоря уже о борьбѣ-конкуренціи между особями, составляющими одинъ видъ, даже въ организмѣ, формѣ съ наибольшимъ единствомъ и связью элементовъ, отдѣльныя ткани и клѣтки конкурируютъ между собою изъ-за питанія, и нерѣдко одна изъ нихъ вытѣсняетъ другія, ко вреду или къ пользѣ всего организма.

Остается еще одинъ вопросъ: нѣтъ ли существеннаго различія между социальными и біологическими формами *по способу ихъ развитія, ихъ выработки*? Нѣтъ, и здѣсь ни въ какомъ случаѣ не приходится признавать такого различія. Сущность дѣла остается одна и та же: измѣненія старыхъ формъ подъ вліяніемъ среды непрерывно порождаютъ массу новыхъ формъ-варіацій; но изъ нихъ большинство оказываются неприспособленными къ средѣ, и подборъ ихъ устраняетъ, меньшинство же онѣ сохраняютъ, какъ приспособленныя,—причемъ подборъ этотъ является одинаково «естественнымъ» какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ.

На это могутъ быть сдѣланы два возраженія. Во-первыхъ, при подборѣ общественныхъ формъ главную роль играетъ *общественная же среда*, въ которой онѣ возникаютъ, и въ меньшей уже степени—среда «естественная», т. е. внѣшняя природа: какая-нибудь новая общественная форма, положимъ, новая идея, легко можетъ исчезнуть вслѣдствіе неприспособленности къ общественнымъ условіямъ, хотя вполне соотвѣтствовала бы условіямъ «естественнымъ», — или сохраниться благодаря приспособленности къ отношеніямъ общественнымъ, хотя находится въ противорѣчій съ отношеніями внѣ-общественной природы. Во-вторыхъ, очень часто устраненіе неприспособленной социальной формы происходитъ безъ гибели тѣхъ организмовъ, съ которыми она была связана: напр., для уничтоженія какой-нибудь правовой нормы вовсе не требуется, чтобы вымерли всѣ, кто признавалъ эту норму; между тѣмъ, при біологическомъ подборѣ устраненіе неудачныхъ приспособленій происходитъ

обыкновенно путем гибели организмовъ. Но оба эти различія не существенны. И при чисто біологическомъ подборѣ для каждой формы жизни имѣетъ наибольшее значеніе та *ближайшая* среда, въ которой она находится, а потому подборъ элементовъ сложной формы, напр., клѣтокъ организма, прежде всего зависитъ отъ другихъ элементовъ этой формы — отъ другихъ клѣтокъ и ихъ взаимныхъ отношеній, вообще отъ *внутренней среды* данной формы; общество тоже сложная форма жизни, и слѣдовательно, подборъ его элементовъ долженъ также опредѣляться ближайшимъ образомъ его внутренней средою, т. е. средою общественной. Далѣе, устраненіе элементовъ безъ гибели цѣлаго вообще нерѣдко наблюдается въ развитіи сложныхъ біологическихъ формъ, напр., когда происходитъ разрушеніе многихъ клѣтокъ при сохраненіи, однако, всего организма, или атрофія отдѣльныхъ рефлексовъ и инстинктовъ при сохраненіи психическаго цѣлаго; поэтому нельзя видѣть ничего сверхъ-біологическаго и въ томъ, что соціальныя формы могутъ устраняться безъ прямого разрушенія цѣлыхъ человѣческихъ особей *).

Вообще съ какой угодно точки зрѣнія формы общественныя представляются приспособленіями въ томъ же смыслѣ и въ такой же мѣрѣ, какъ всякія другія біологическія формы.

IV.

Мы показали, что общественныя формы принадлежатъ къ обширному *роду*—біологическихъ приспособленій. Но этимъ мы еще не опредѣлили области общественныхъ формъ: для опредѣленія надо установить не только *родъ*, но и *видъ*; надо выяснитъ не только общія черты данныхъ формъ съ другими, имъ родственными, но и отличительныя ихъ черты, выдѣляющія

*) О процессахъ подбора общественныхъ формъ излагается болѣе обстоятельно въ нашей вышеупомянутой работѣ «Познаніе съ исторической точки зрѣнія» (§§ о «подборѣ психическихъ формъ» и объ «общественномъ подборѣ», стр. 40—47 и 115—118).

ихъ среди этихъ другихъ формъ. Требуется точная *характеристика* общественныхъ формъ.

Въ своей борьбѣ за существованіе люди не могутъ объединяться иначе, какъ при помощи *сознанія*: безъ *сознанія* нѣтъ общенія. Поэтому *соціальная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ есть сознательно-психическая*. Эта мысль нуждается въ специальномъ доказательствѣ: достаточно того, что просто нельзя представить себѣ такого *соціального факта*, который происходилъ бы безъ участія *сознанія*. Употребляются, правда, отдѣльные выраженія, которыя какъ будто противорѣчатъ этому,—напр., «*физическій трудъ*», «*безсознательныя дѣйствія толпы*» и т. п., но легко видѣть, что такія выраженія не слѣдуетъ понимать буквально: и *физическій трудъ* слагается изъ *ощущаемыхъ*, т. е. *сознаваемыхъ* движеній, направленныхъ къ представляемой, т. е. *сознаваемой цѣли*; онъ только отличается тѣмъ, что производитъ «*физическія*» *измѣненія* во *внѣшней средѣ*; и *безсознательныя дѣйствія толпы* происходятъ не за предѣлами *сознанія дѣйствующихъ*, а только не находятъ въ этомъ *сознаніи* ясной мотивировки. Вообще, *соціальность нераздѣльна съ сознательностью* *). *Общественное бытіе и общественное сознаніе, въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, тождественны.*

Въ этомъ же смысле
речь идетъ о народѣ.

*) Въ сборникѣ «Проблемы идеализма» князь Е. Трубецкой пытается дать критику историческаго матеріализма, исходя изъ той мысли, что въ общественной жизни людей имѣетъ значеніе не только «*экономическій факторъ*», но и «*психическій*». Очевидно, что такая критика ошибочна въ самой основѣ, такъ какъ предполагать, что «*экономическое*» есть нѣчто совершенно *не-психическое*. Между тѣмъ, «*экономика*»—это *трудовые отношенія людей*, а не *физическія отношенія* тѣлъ; люди—*психическія существа*, а трудъ—*сознательно-цѣлесообразная дѣятельность*. Князь Трубецкой впалъ здѣсь въ довольно обычную, но все же и довольно грубую ошибку: смѣшеніе «*идеологій*» съ «*психологіей*». Идеологія — это, какъ увидимъ, область понятій, организующихъ *соціальныи опытъ*, т. е. опредѣленная частная сфера *соціальной психологіи*; «*экономика*» — это другая область той же *соціальной психологіи*. Критикъ не пошелъ дальше поверхности словъ: «*общественное бытіе людей опредѣля-*

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы все въ сознаниі было социальное. Область сознаниа шире области социальнаго, и заключаетъ ее въ себя; но остается еще масса сознательно-психическихъ явленій, которыя вовсе не социальны, напр., всѣ непосредственныя ощущенія, порождаемыя физиологической жизнью, всѣ чувства, эмоціи, дѣйствія, направленные не социальнo, или даже анти-социальнo и т. п.

Теперь мы должны выяснитъ характеръ тѣхъ сознательно-психическихъ явленій, изъ которыхъ слагается общественный процессъ. Социальная борьба людей за ихъ существованіе есть дѣятельность исполнѣ опредѣленнаго типа: во всѣхъ своихъ проявленіяхъ это дѣятельность, направленная къ достиженію цѣлей. Во всѣхъ формахъ дѣятельности людей, имѣющихъ социальное содержаніе, выступаетъ эта общія черта: въ материальномъ производствѣ, въ словесномъ общеніи, въ изслѣдованіи, въ правовой, въ нравственной жизни, человекъ дѣйствуетъ постоянно ради какой-нибудь представляемой цѣли. Такого рода дѣятельность называется трудомъ. Итакъ, общественный процессъ есть процессъ трудовой.

Здѣсь опять нужно поясненіе. Всякое проявленіе общественной жизни имѣетъ трудовой характеръ, но не всякое проявленіе трудовой жизни имѣетъ общественный характеръ. Существуетъ трудъ не социальный и даже анти-социальный, напр.,

есть формы ихъ сознанія; онъ понималъ ихъ въ томъ смыслѣ, что «общественное бытіе» есть нѣчто совершенно чуждое «сознанію людей», нѣчто «материальное» въ физическомъ значеніи слова. У Маркса же дѣло идетъ о различныхъ формаціяхъ социально-переживаемаго — о формаціяхъ болѣе элементарныхъ и болѣе сложныхъ, «низшихъ» и «высшихъ». Интересно было бы знать, какъ понимаетъ критикъ терминъ «материальные интересы»? Считаетъ ли онъ ихъ не-психологическимъ фактомъ?

Дополненіе 1906 г. Ту же степень невѣжества по отношенію къ понятіямъ «психологіи» и «идеологіи», что и кн. Е. Трубецкой, обнаружилъ, къ сожалѣнію, тов. Ортодоксъ (см. его фельетонъ въ № 77 «Искры»). Такъ отдѣльные плохіе теоретики создаютъ почву для «солидной» буржуазной полемики противъ марксизма.

трудъ паразитическаго потребленія, или трудъ бесполезнаго убійства и разрушенія, вообще такой, который не входитъ въ общественную борьбу людей за жизнь, или даже стоитъ съ ней въ противорѣчій. Область труда шире области социальнаго бытія, и заключаетъ ее въ себѣ, какъ цѣлое часть.

Трудъ тогда является социальной дѣятельностью, когда онъ, прямо или косвенно, направленъ къ сохраненію и развитію *не одного трудящагося, но и другихъ людей*, когда онъ полезенъ не только индивидуально, но и социально. Производитель, изслѣдователь, исполнитель правовыхъ нормъ, своими дѣйствіями создаютъ приспособленность не для себя однихъ, но и для другихъ членовъ общества, поэтому ихъ дѣйствія входятъ въ сферу социальной жизни, это общественно-трудоваыя приспособленія.

Отдѣльное общественное трудовое приспособленіе бываетъ полезно иногда для болѣе широкаго, иногда для болѣе узкаго круга людей: для всего общества, для класса, для группы, для семьи; въ этомъ выражается широта или узость общественной связи въ тѣхъ или другихъ частныхъ ея проявленіяхъ. Приспособленіе, полезное для однихъ членовъ общества, можетъ быть вредно для другихъ, какъ наблюдается при борьбѣ классовъ, при конкуренціи и т. п.; въ этомъ обнаруживается неполное единство общества, какъ сложнаго сочетанія сравнительно отдѣльныхъ группъ, не во всемъ приспособленныхъ одна къ другой.

Резюмируемъ выводы этой главы. Общественныя приспособленія представляютъ изъ себя формы трудовой дѣятельности чловѣка въ его борьбѣ за существованіе, при томъ дѣятельности, направленной къ пользѣ не только самого трудящагося, но и другихъ людей. Короче — это *формы трудовой совместности людей*; а общество, какъ цѣлое, есть *система со-трудничества* въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

V.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ общественныхъ приспособленій. Мы должны выяснитъ ихъ различія и установить ихъ взаимную связь по генезису и жизненному значенію. При этомъ намъ придется начать съ самыхъ широкихъ подраздѣленій.

Уже въ предыдущемъ намѣчались, хотя только мимоходомъ, двѣ обширныя группы общественныхъ приспособленій: техническія, которыя направлены къ непосредственной борьбѣ общества съ внѣшней природой, къ прямому воздѣйствію на нее, и затѣмъ идеологическія, которыя имѣютъ болѣе косвенное значеніе для этой борьбы, хотя, какъ увидимъ, значеніе очень часто не менѣе важное. Люди, которые рубятъ дерево, выполняютъ техническій процессъ; люди, которые обсуждаютъ, какимъ образомъ удобнѣе срубить дерево, выполняютъ процессъ идеологическій. Для первыхъ объектомъ дѣйствія являются предметы внѣшней среды—дерево, топоръ; для вторыхъ—понятія и сужденія, сложившіяся на основѣ прежняго труда: такія-то деревья удобнѣе всего рубить такимъ-то способомъ, начинать слѣдуетъ съ такого-то мѣста, остерегаться при этомъ слѣдуетъ того-то и т. д. Оба трудовыхъ процесса могутъ сливаться такъ тѣсно, что ихъ трудно раздѣлить даже въ абстракціи; но большая или меньшая непосредственность отношенія къ внѣшней природѣ всегда придаетъ каждому трудовому акту ясный оттѣнокъ того или другого типа.

Остановимся пока на техническихъ приспособленіяхъ. Это группа очень обширная, въ которой объединяются вещи, на первый взглядъ довольно разнородныя. Сравнимъ, напр., техническую жизнь на раннихъ ступеняхъ развитія культуры, и въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Тамъ — человекъ лазаетъ на деревья за плодами, собираетъ моллюсковъ на берегу, вырываетъ палкою корни изъ земли, охотится за мелкими животными при помощи камня; здѣсь — онъ выполня-

есть сложнѣйшія воздѣйствія на безконечно разнообразныя средства производства, отъ дѣйственной почвы до автоматическаго механизма вѣлучительно. И все-таки мы имѣемъ полное основаніе соединять настолько различныя приспособленія подъ общее понятіе «техническихъ», потому что ихъ значеніе для жизни дѣйствительно однородно: всѣ они представляютъ формы непосредственныхъ отношеній человѣка къ средѣ, непосредственной борьбы общества съ внѣшней природой.

Здѣсь намъ надо устранить одно изъ обычныхъ недоразумѣній. Нерѣдко терминъ «техническое приспособленіе» примѣняютъ къ средствамъ производства—орудіямъ, машинамъ и т. п. Но это — не точное, переносное употребленіе слова, непригодное для нашихъ цѣлей. Только живое приспособляется, только формы жизни могутъ быть формами приспособленія. Орудія, машины, матеріалы труда—это *элементы внѣшней природы* которые человѣкъ, приспособляясь, располагаетъ наиболее выгоднымъ для себя образомъ. «Приспособленіе» заключается здѣсь въ умѣнныя человѣка такъ воздѣйствовать на внѣшніе предметы, что изъ нихъ получается цѣлесообразная комбинація, въ видѣ, напр., топора или двигательнаго механизма, и затѣмъ въ умѣнныя пользоваться эгою комбинаціей; слѣдовательно, «техническія приспособленія» находятся въ психикѣ людей, а не внѣ ея. Разумѣется, если отнять у человѣка орудія труда, то онъ будетъ «технически неспособенъ» какъ будто у него отняли самыя приспособленія; но въ сущности приспособленія эти у него останутся, т. е. онъ попрежнему будетъ способенъ пользоваться орудіями, а будутъ отняты только внѣшнія условія, необходимыя для того, чтобы проявить эту способность. Точно также земледѣлецъ окажется неприспособленъ, если отнять у него землю, которую онъ пахалъ; но никто же не назоветъ эту землю «приспособленіемъ». Технические приспособленія земледѣльца—умѣнье пахать, сѣять и т. д.—продолжаютъ сохраняться въ его психикѣ, но они не находятъ примѣненія, потому что для этого не хватаетъ одного необходимаго, хотя и внѣшняго условія—не хватаетъ земли. Если это усло-

віе снова окажется налицо, т. е. земледѣлец опять получить землю, то его техническія приспособленія вновь пойдутъ въ дѣло; иначе они могутъ черезъ нѣкоторое время утратиться, какъ атрофируется органъ, который долго не функционировалъ.

Возможно, что читателю показалось нѣсколько утомительнымъ это тщательное выясненіе понятій; но что дѣлать, точность прежде всего. По крайней мѣрѣ, мы можемъ теперь съ большей увѣренностью сдѣлать шагъ дальше.

Въ предыдущемъ было, между прочимъ, установлено, что исходной точкой всякаго развитія жизни служатъ измѣняющіяся отношенія жизненныхъ формъ къ ихъ средѣ въ процессъ борьбы за существованіе. Если это такъ, то уже а priori слѣдуетъ признать, что изъ числа общественныхъ приспособленій *первично должны возникать и развиваться именно техническія*, такъ какъ они имѣютъ наиболѣе близкое, наиболѣе непосредственное отношеніе къ внѣшней средѣ общества. Это пока теоретическій выводъ, но онъ вполне подтверждается наблюденіями надъ фактическимъ социальнымъ развитіемъ.

Въ жизни современнаго культурнаго общества насъ поражаетъ ея чрезвычайное богатство идеологическими формами. Громадная масса приспособленій познавательныхъ, безконечная сложность и разнообразіе проявленій жизни правовой и этической заполняютъ собою очень значительную часть общественнаго процесса, очень значительную даже при сравненіи съ колоссальнымъ развитіемъ жизни технической, непосредственнаго производства. Но если идти назадъ по пути развитія культуры, переходя къ ея болѣе и болѣе низкимъ ступенямъ, то отношеніе измѣняется. Идеологическая жизнь все болѣе суживается, и при томъ быстрѣе, чѣмъ техническая. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ *непосредственная* борьба человѣка съ природой, *прямое* воздѣйствіе на нее. На этихъ стадіяхъ развитія человѣкъ сравнительно гораздо меньше разсуждаетъ, обсуждаетъ, оцѣниваетъ, сравнительно гораздо больше реагируетъ стихійно на внѣшнюю среду. По мѣрѣ приближенія къ мыслимому, неизвѣстному началу общественной

жизни, содержаніе труда сводится къ простой, не осложненной отвлеченными идеями и нормами борьбы за существованіе: жизнь идеологическая исчезаетъ передъ технической.

Это соотношеніе является настолько постояннымъ въ предѣлахъ извѣстной намъ исторіи человѣчества, что мы съ полнымъ основаніемъ можемъ представить его продолженнымъ и на болѣе ранніе, пока недоступные наукѣ періоды общественнаго развитія. При этомъ окажется, что въ своей наиболѣе первобытной формѣ, какая можетъ только логически мыслиться, общественная жизнь должна вся сводиться къ *техническому* процессу, который и приходится, слѣдовательно, признавать *исторически-первоначальной областью социальнаго бытія людей.*

Но и на всѣхъ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія первичный характеръ техническихъ приспособленій находитъ себѣ достаточныя подтвержденія. Именно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ жизнь идеологическая подвергается существеннымъ преобразованіямъ и переворотамъ, при достаточномъ изслѣдованіи всегда удается найти предшествующія измѣненія въ области технической, и удается показать, что эти послѣднія измѣненія могли и должны послужить *исходной точкой* перемѣнъ въ идеологіи. Такъ, реформаціи предшествовало быстрое расширеніе производства и улучшеніе его способовъ, а также развитіе торговли (основную часть торговаго дѣла составляетъ *технический* процессъ перемѣщенія товаровъ); и въ исторической литературѣ много разъ указывалось, какимъ образомъ этотъ прогрессъ въ производственной жизни вызывалъ прогрессъ идеологическаго сознанія *). Перевороты конца XVIII и первой половины XIX вѣка такимъ же образомъ связываются съ развитіемъ капиталистической

*) Особенно хорошо излагается это въ произведеніяхъ К. Каутскаго. Въ русскомъ переводѣ есть «Вѣкъ гуманизма и реформаціи» (отрывокъ изъ работы о Т. Морѣ) въ «Очеркахъ и этюдахъ» и «Общественныя движенія въ ср. вѣка и въ эпоху реформаціи», написанная Каутскимъ часть большой коллективной работы, переведенная подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова.

техники; связь эта признается, въ значительной мѣрѣ, даже очень многими историками совсѣмъ не монистическаго направленія. Примѣровъ можно было бы привести гораздо больше; въ общемъ слѣдуетъ признать, что всюду, гдѣ съ надлежащей полнотой и ясностью обнаружена связь фактовъ общественнаго развитія, движущая сила этого развитія оказывается исходящей именно изъ области непосредственнаго производства, изъ сферы техническаго процесса *).

Итакъ, въ ряду общественныхъ приспособленій техническія первичны по генезису и развитію. Признавши это, мы тѣмъ самымъ ставимъ передъ собой такую задачу: показать, какимъ образомъ на основѣ техническаго процесса развивается сложная система общественнаго бытія, съ ея разнообразіемъ элементовъ и единствомъ цѣлаго. Само собой разумѣется, что попытка рѣшенія этой задачи можетъ быть дана здѣсь только въ самыхъ общихъ, самыхъ основныхъ чертахъ. (М. С. Общественно-бытіе или идеология) стр. 57.

VI.

Мы начнемъ съ небольшого отступленія въ область біологіи. Какъ увидимъ, это будетъ только кажущееся отступленіе.

Изъ всѣхъ сложныхъ формъ жизни (организмъ, семья, видъ, общество и т. под.) ни одна не обладаетъ совершеннымъ внутреннимъ единствомъ. Высшіе организмы отличаются наибольшей цѣлостностью жизненнаго процесса, наибольшей связью частей и гармоніей ихъ взаимныхъ отношеній; однако, даже они не лишены извѣстныхъ «внутреннихъ противорѣчій», ино-

*) Читатель видитъ, что мы старательно избѣгаемъ термина «производительныя силы», а предпочитаемъ говорить о «техническихъ приспособленіяхъ». Понятіе «производительныхъ силъ» слишкомъ неопредѣленно и двойственно по содержанію, такъ какъ охватываетъ и матеріальныя средства производства, и психическія приспособленія производителей. Такое понятіе удобно лишь на раннихъ стадіяхъ анализа; для нашихъ цѣлей нужно болѣе строгое разграниченіе, при которомъ элементы общественной психики не смѣшивались бы съ элементами матеріальной среды общества.

гда ничтожныхъ, едва замѣтныхъ, иногда значительныхъ, опасныхъ для жизни цѣлаго. Отправленія различныхъ органовъ, тканей, клѣтокъ никогда не бываютъ *вполнѣ* приспособлены взаимно, а временами серьезно мѣшаютъ одни другимъ. Уже при обычныхъ условіяхъ усиленная дѣятельность, напр., пищеварительнаго аппарата затрудняетъ и ограничиваетъ работу психики тѣмъ, что отвлекаетъ часть питанія отъ высшихъ нервныхъ центровъ. Аналогичнымъ образомъ, чрезмѣрное развитіе половой жизни ведетъ къ стѣсненію и даже разстройству жизнедѣятельности всѣхъ другихъ системъ организма. Клѣтки соединительной ткани постоянно пользуются уменьшеніемъ жизнеспособности другихъ тканей, чтобы вытѣснять и замѣнять ихъ собою—это частая причина деградациі организмовъ при заболѣваніяхъ, и одна изъ основныхъ причинъ фізіологической «старости». Въ психической жизни одни образы, стремленія, идеи непрерывно борются съ другими за преобладаніе, и менѣе устойчивыя изъ этихъ элементовъ устраняются болѣе устойчивыми, при томъ далеко не всегда къ выгодѣ всего организма.

Чѣмъ сложнѣе какая-нибудь форма жизни, чѣмъ многочисленнѣе, разнообразнѣе и самостоятельнѣе ея элементы, тѣмъ, очевидно, легче могутъ выступать между ними жизненныя противорѣчія, тѣмъ чаще должно случаться, что нѣкоторыя изъ этихъ элементовъ будутъ подрывать жизнеспособность другихъ, и стало бытъ также жизнеспособность цѣлаго. Развитіе должно устранять такую неприпособленность. Это и достигается особыми *организующими приспособленіями*.

Для высшихъ организмовъ такими приспособленіями служатъ нервныя центры. При ихъ посредствѣ достигается гармоническое объединеніе жизнедѣятельности различныхъ органовъ и тканей цѣлаго: цѣлесообразно распредѣляется питаніе, такъ, чтобы одни элементы не отнимали его у другихъ (трофическіе и сосудодвигательные центры), вырабатываются наиболѣе выгодныя для организма сочетанія отдѣльныхъ мускульныхъ сокращеній и воспріятій (чувствительныя и двигательныя центры) и т. под. Приспособленіе, конечно, не бываетъ и здѣсь совер-

пеннымъ: въ извѣстныхъ предѣлахъ борьба за питаніе между частями организма продолжается, и постоянно нѣкоторые, хотя бы немногіе элементы, чрезмѣрно развиваются за счетъ другихъ: сокращенія отдѣльныхъ мускульныхъ волоконъ далеко не всегда соединяются гармонично, благодаря чему движенія организма не достигаютъ наибольшей мыслимой силы и цѣлесообразности, и т. д. Но все же только организующая дѣятельность нервныхъ центровъ даетъ организму, при всей сложности его строения, высокое жизненное единство и цѣлостность.

Въ болѣе сложныхъ формахъ жизни наблюдаются организующія приспособленія иного типа. Для семьи животныхъ, для стада, для стаи такую роль играютъ опредѣленные инстинкты, семейные и стадные, объединяющіе собой въ коллективное цѣлое; они дополняются еще системой сигналовъ, которая позволяетъ особямъ наиболее гармонично соединять свои дѣйствія въ борьбѣ за существованіе. Всѣ такія приспособленія являются психическими, развиваются, слѣдовательно, изъ приспособленій той же системы, которая служить организующей формой для жизни особи. Это и вполнѣ естественно, разъ вообще коллективныя формы, какъ семья, стадо и т. п., слагаются именно изъ особей.

Человѣческое общество есть одна изъ самыхъ сложныхъ, если не самая сложная форма подобнаго строенія. Очевидно, здѣсь мы должны найти и особенно сложныя организующія приспособленія. Такъ оно и оказывается въ дѣйствительности.

Отдѣльные люди, даже взятые въ совокупности, еще не составляютъ общества. Въ понятіи «общества» уже заключается идея организованности, объединенія жизненной совмѣстности особей. Такимъ образомъ, чтобы имѣло смыслъ самое употребленіе слова «общество», необходима наличность опредѣленнаго организующаго приспособленія. Это приспособленіе—соціальный инстинктъ.

Соціальный инстинктъ не есть нѣчто неизмѣнное, всегда себѣ равное, одинаковое во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни: онъ имѣетъ свою исторію развитія, и выступаетъ въ

различныхъ видахъ. Изслѣдовать его происхожденіе здѣсь не приходится; можно только въ самыхъ общихъ чертахъ указать его мѣсто среди біологическаго міра. Несомнѣнно, что его прямыми предшественниками являются инстинкты стадный и семейный, столь распространенные въ жизненномъ царствѣ; несомнѣнно и то, что въ своихъ первоначальныхъ проявленіяхъ онъ не составляетъ привилегіи человѣка, а встрѣчается также у цѣлаго ряда другихъ соціальныхъ животныхъ. Но у человѣка инстинктъ этотъ достигаетъ наибольшаго развитія, какъ въ смыслѣ широты—въ наше время онъ до извѣстной степени объединяетъ все человѣчество,—такъ и въ смыслѣ сложности и разнообразія проявленій—имъ окрашены въ различной мѣрѣ самые разнородные элементы общественно-трудоваго процесса. Человѣкъ есть существо соціальное по преимуществу.

Уже въ первичной своей формѣ соціальныи инстинктъ представляетъ довольно сложное жизненное явленіе. Сущность его заключается въ *стремленіи человека держаться вмѣстѣ съ другими людьми и дѣйствовать совместно съ ними и одинаково съ ними* *). Стремленіе это составляетъ психическую основу всякой общественности.

Техническіе формы, содержаніе которыхъ заключается въ воздѣйствіи человѣка на природу, сами по себѣ, очевидно, могли бы быть вовсе не соціальны, если бы не ихъ неразрывная связь съ соціальнымъ инстинктомъ. Человѣкъ собираетъ плоды съ деревьевъ; что тутъ соціальнаго? Но это дѣйствіе пріобрѣтаетъ соціальныи характеръ, если возникаетъ путемъ подражанія, т. е. стремленія дѣйствовать *одинаково съ другими людьми*, или если выполняется *совмѣстно съ этими другими*, или, наконецъ, *для нихъ* (въ послѣднемъ случаѣ мы,

*) *Подражаніе* мы, такимъ образомъ, относимъ къ первичнымъ проявленіямъ соціальнаго инстинкта; и дѣйствительно, его постоянно приходится наблюдать уже на первыхъ ступеняхъ соціальности, напр., среди соціальныхъ животныхъ. О біологическихъ и психологическихъ основахъ подражанія см. нашу работу «Познаніе съ истор. точки зр.» (стр. 109—113).

впрочемъ, имѣемъ уже болѣе развитую форму социальнаго инстинкта, о которомъ придется говорить въ послѣдующемъ). Технические приспособленія становятся социальными постольку, поскольку социальный инстинктъ проникаетъ ихъ собою, входя нераздѣльнымъ элементомъ въ ихъ психическое содержаніе.

То же, относится и къ формамъ идеологическимъ, но, какъ увидимъ, съ той разницей, что самое ихъ возникновеніе предполагаетъ уже существованіе и формъ техническихъ, и социального инстинкта. Къ идеологіи мы теперь и переходимъ.

VII.

Значеніе социальнаго инстинкта заключается въ томъ, что онъ связываетъ, объединяетъ людей, какъ членовъ общества. Но этого еще недостаточно для гармонической жизни и гармоническаго развитія социальнаго цѣлаго. Простое объединеніе не устраняетъ возможности противорѣчій, и даже тѣсная связь элементовъ можетъ соединяться съ ихъ взаимной неприспособленностью. Отсюда потребность еще въ иныхъ организующихъ приспособленіяхъ. Таковы именно идеологическія формы. Онѣ укладываются въ нѣсколько основныхъ типовъ, которые мы и рассмотримъ, начиная съ наименѣе сложнаго.

Отдѣльные организмы, входящіе въ составъ общества, обладаютъ въ своихъ жизненныхъ процессахъ довольно большою самостоятельностью. Она-то и является первымъ источникомъ взаимной неприспособленности людей въ ихъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствія человѣка въ борьбѣ съ природой зависятъ, прежде всего, отъ тѣхъ вліяній среды, которыя онъ въ данный моментъ испытываетъ, отъ тѣхъ воспріятій, которыя они ему даютъ: если человѣкъ видитъ волка или ощущаетъ его зубы, онъ старается убѣжать, если видитъ плоды — старается завладѣть ими, и т. д.—опредѣленные воспріятія вызываютъ опредѣленные дѣйствія. Но, положимъ, дѣло обстоитъ такъ: одинъ человѣкъ видитъ звѣря, а другой, находящійся вблизи, не видитъ; тогда дѣйствія обоихъ могутъ оказаться взаимно непрі-

способленными, — одинъ, убѣгая, подвергается опасности другого, предоставивши его неожиданному нападенію хищника; или даже погибнуть оба человѣка, сначала одинъ, потомъ другой, тогда какъ дѣйствуя сообща они могли бы одолѣть врага и спастись. Точно также, если одинъ нашелъ дерево съ плодами, а другой его не замѣтилъ, то первый, можетъ быть, окажется не въ состояніи поѣсть всѣ плоды, тогда какъ второй потратитъ массу труда на отысканіе пищи, а все-таки останется голоденъ. Вообще, если того, что видятъ, слышать, ощущаютъ, словомъ — *переживаютъ* одни, если того не видятъ, не ощущаютъ — *не переживаютъ* другіе, то всегда можно ожидать, что ихъ дѣйствія окажутся взаимно вредны или бесполезны, т. е. взаимно неприспособлены, и ужъ во всякомъ случаѣ приспособлены не въ наибольшей мѣрѣ.

Отсюда возникаетъ та потребность, которая порождаетъ первый рядъ идеологическихъ приспособленій — формы мимики и рѣчи, формы выраженія. Мимика и рѣчь представляетъ изъ себя систему знаковъ, посредствомъ которыхъ переживаемое одними людьми передается другимъ, такъ что «переживанія» людей *обобществляются*. Никакой совмѣстный трудъ не могъ бы идти успѣшно и развиваться, если бы люди не умѣли сообщать другимъ то, что они видятъ, слышать, чувствуютъ, желаютъ: взаимная помощь была бы въ массѣ случаевъ невозможна, и гораздо чаще дѣйствія людей только мѣшали бы одни другимъ. Попробуйте представить себѣ производство, организованное безъ словъ или, по крайней мѣрѣ, мимическихъ жестовъ.

Итакъ, рѣчь и мимика служатъ орудіемъ взаимнаго приспособленія для системы общественного труда. Приспособленіе это, разумеется, далеко не вполне совершенно: для взаимной гармоніи въ дѣйствіяхъ различныхъ людей обыкновенно еще не достаточно того, что они сообщаютъ другъ другу свои переживанія; но все же это первое, необходимое условіе такой гармоніи. Ея дальнѣйшія условія мы рассмотримъ потомъ, въ связи съ другими формами идеологіи.

переживаютъ

1.

Такъ какъ первичной областью общественнаго бытія является процессъ техническій, то, очевидно, именно онъ прежде всего и даетъ содержаніе для формъ рѣчи и мимики. На самыхъ низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, какія намъ извѣстны, почти весь лексиконъ сводится къ небольшому количеству словъ, означающихъ техническія дѣйствія, а затѣмъ внѣшнія условія этихъ дѣйствій—матеріалы, орудія труда, вообще — важные въ борьбѣ за жизнь элементы внѣшней среды *)

По мѣрѣ того какъ надъ жизнью технической развивается идеологическая, и для этой послѣдней создаются такіе же организующія приспособленія — слова, мимическіе знаки. При посредствѣ рѣчи передаются, напр., приобретенныя знанія, организуясь въ систему общественнаго опыта, сложившіеся обычаи, организуясь въ систему обычного права, и т. под. Идеологическія переживанія точно такъ же должны передаваться отъ однихъ людей другимъ, какъ техническія, потому что первыя имѣютъ по сравненію со вторыми, вообще говоря, не меньше, а только *иное* значеніе для общественной борьбы за жизнь.

*) Геніальная филологическая теорія Науре самое происхожденіе словъ сводитъ къ техническимъ процессамъ. По этой теоріи первичными корнями являются тѣ произвольные звуки, которыми сопровождались совмѣстныя, однородныя трудовыя дѣйствія людей. Эти звуки вполнѣ естественно становились «знаками» тѣхъ общественно-трудовыхъ актовъ, съ которыми были связаны, потому что были «понятны» каждому изъ членовъ группы, — потому что въ каждомъ изъ нихъ, въ силу неразрывной ассоціаціи, вызывали представленіе о соотвѣтственномъ дѣйствіи. Такіе звуки возникаютъ, какъ извѣстно, благодаря тому, что двигательное возбужденіе распространяется («иррадируетъ») съ однихъ нервныхъ центровъ на другіе, по опредѣленнымъ путямъ, представляющимъ наименьшее сопротивленіе. Такимъ образомъ первичные корни можно разсматривать, какъ оторвавшуюся, дифференцированную часть реальныхъ трудовыхъ комплексовъ.

Подробнѣе съ теоріей Науре русскій читатель можетъ познакомиться по ея изложенію у послѣдователя Науре, Макса Мюллера («Наука о мысли»)

Такимъ образомъ, рѣчь служить организующей формой для всей системы общественнаго труда, во всѣхъ его видахъ. Естественно, что развитіе рѣчи идетъ въ соотвѣтствіи съ общимъ развитіемъ этой системы. Легче всего видѣть такое соотвѣтствіе со стороны количественнаго развитія рѣчи: чѣмъ шире становится область общественнаго труда, чѣмъ разнообразнѣе его проявленія, тѣмъ болѣе лексиконъ употребляемыхъ словъ и другихъ знаковъ. Существуютъ всѣ переходныя ступени отъ такихъ нарѣчій, какъ бушменскія, папуасскія, съ нѣсколькими сотнями словъ, до такихъ языковъ, какъ современные англійскій, нѣмецкій, со многими десятками, даже сотнями тысячъ обозначеній; и эти ступени приблизительно совпадаютъ со ступенями развитія трудовой дѣятельности, отъ ея простѣйшихъ приѣмовъ охотничьяго періода до сложнѣйшей, колоссально развитой техники и идеологии капиталистическаго общества.

Не менѣе ясна связь формъ рѣчи и формъ труда еще въ другомъ отношеніи. На раннихъ стадіяхъ жизни человѣчества трудовая жизнь людей складывается въ наибольшей мѣрѣ изъ привычныхъ дѣйствій, т. е. такихъ которыя постоянно повторяются приблизительно въ одинаковомъ, неизмѣнномъ видѣ; очень рѣдко и медленно создаются новые приемы труда, новыя сочетанія и варіаціи прежнихъ дѣйствій. Этому вполне соответствуетъ, и при этихъ условіяхъ вполне достаточенъ языкъ, состоящій изъ однихъ неизмѣнныхъ словъ (корней), каковы, повидимому, всѣ наименѣ развитыя нарѣчія. Но по мѣрѣ того, какъ формы труда становятся измѣнчивы, пластичны, изъ нихъ легко образуются новыя производныя; возникаютъ приставки, суффиксы, флексіи. Такъ, формы склоненія и спряженія были первично порождены, можно думать, именно измѣняющимися, усложняющимися, трудовыми отношеніями людей къ внѣшней природѣ и между собою. Напр., что выражаетъ повелительное, а въ болѣе древнихъ языкахъ также желательное наклоненіе, какъ не вполне опредѣленный типъ трудовыхъ отношеній, такой типъ, въ которомъ одинъ человѣкъ управляетъ или стремится управлять дѣйствіями другого? Что означаетъ винитель-

ный падежъ, какъ не отношеніе человѣка къ внѣшнему объекту его дѣйствій, прежде всего—матеріалу его труда? Въ нѣкоторыхъ грамматическихъ терминахъ такая связь выражена съ полной ясностью, напр., въ такихъ какъ «творительный орудія» (латинскій и русскій), «внимательный отношенія» (греческій) и т. п.

Все это, разумѣется, только иллюстраціи — большаго здѣсь и невозможно дать, — но онѣ, какъ мы думаемъ, достаточно выясняютъ нашу мысль. Мысль эта и безъ того, впрочемъ, не особенно сложна: рѣчь есть организующее приспособленіе для общественнаго труда во всѣхъ его проявленіяхъ; поэтому ея развитіе должно слѣдовать за развитіемъ общественнаго труда, приспособляясь къ его потребностямъ.

Съ развитіемъ мимики и рѣчи, въ зависимости отъ него, выступаетъ новая фаза въ развитіи соціальнаго инстинкта. Соціальный инстинктъ принимаетъ форму стремленія передать другимъ свои переживанія и воспринять то, что переживаютъ они — жить совмѣстно съ ними въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Этотъ обмѣнъ переживаемаго приводитъ къ тому, что человѣкъ начинаетъ къ чужимъ переживаніямъ относиться, до извѣстной степени, какъ къ своимъ собственнымъ: во многихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ за другихъ людей для нихъ; онъ, напр., защищаетъ другого, какъ защищалъ бы себя. Возникаетъ альтруизмъ въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ *).

Итакъ, благодаря тому объединенію человѣческихъ переживаній, которое достигается путемъ мимики и рѣчи, соціальный инстинктъ изъ простѣйшей первоначальной формы преобразуется въ болѣе высшую форму альтруизма. Безъ мимики и рѣчи немыслимо пониманіе чужой души, немыслима и борьба за ея жизнь и развитіе, какъ за свои собственные.

*) Нѣтъ надобности специально пояснять, что высшія формы общественнаго инстинкта не исключаютъ собою низшихъ — тѣ и другія постоянно наблюдаются рядомъ.

VIII.

Взаимной передачи непосредственно переживаемого отъ однихъ людей другимъ далеко еще не достаточно для вполне гармоничнаго объединенія человѣческихъ дѣйствій. Дѣйствія эти зависятъ не только отъ того, что люди въ данный моментъ непосредственно переживаютъ, но также и отъ того, что они переживали раньше: дѣйствія людей основываются на ихъ предыдущемъ трудовомъ опытѣ. Въ опытѣ жизни у человѣка вырабатываются цѣлесообразные приемы труда, которые онъ затѣмъ и примѣняетъ; чѣмъ шире, разнообразнѣе, совершеннѣе этотъ опытъ, тѣмъ успѣшнѣе человѣкъ приспособляется въ дальнѣйшемъ, тѣмъ «производительнѣе» его трудъ.

При какихъ бы то ни было общественныхъ формахъ, трудовой опытъ различныхъ людей всегда до извѣстной степени различенъ: одни обладаютъ болѣе богатымъ или болѣе удачнымъ опытомъ, чѣмъ другіе, или болѣе способны его усваивать и имъ пользоваться; наконецъ, опытъ однихъ развертывается просто нѣсколько иначе, въ иныхъ направленіяхъ, чѣмъ опытъ другихъ, особенно при раздѣленіи труда, когда люди занимаются различными работами.

При такой неоднородности опыта неизбежно является потребность въ его гармоническомъ объединеніи. Прежде всего, въ тяжелыхъ условіяхъ первобытной борьбы за жизнь, когда все общество въ цѣломъ едва въ силахъ поддерживать свое существованіе, недостатокъ опыта, неумѣлость однихъ членовъ общества должны ложиться угнетающимъ бременемъ на жизнь другихъ: болѣе способные и искусные принуждены затрачивать массу лишняго труда, чтобы сохранить жизнь менѣе способныхъ и искусныхъ; элементы наиболѣе жизненные оказываются стѣснены въ своемъ развитіи наименѣе жизненными. Затѣмъ, благодаря неоднократности опыта, люди могутъ настолько различно пользоваться одними и тѣми же условіями, что легко сталкиваются и мѣшаютъ другъ другу; напр., одинъ

дикарь, на основаніи своего опыта считаютъ полезнымъ беречь данное дерево, потому что на немъ растутъ хорошіе плоды, а другой, на основаніи своего опыта, считаетъ цѣлесообразнымъ употреблять это дерево для отопленія,—ясно, что изъ этого можетъ получиться большая взаимная неприспособленность ихъ дѣйствій.

Наконецъ, что всего важнѣе и всего очевиднѣе, — наибольшая приспособленность людей не можетъ быть достигнута, если ихъ трудовой опытъ остается необъединеннымъ, если въ этой сферѣ то, что приобрѣтено одними, безслѣдно пропадаетъ для другихъ, если каждый долженъ всему учиться самъ по себѣ и самъ для себя.

Все это вмѣстѣ порождаетъ необходимость въ такомъ приспособленіи, которое объединило бы разнородные трудовые опыты людей, и устраняло бы противорѣчія, вытекающія изъ этой разнородности, словомъ, порождаетъ необходимость въ организующей формѣ для общественно-трудового опыта. Такой организующей формой служитъ познаніе.

Трудовые переживанія отдѣльной личности, кристаллизуясь въ ея психикѣ, образуютъ ея индивидуальный опытъ. Это еще не есть познаніе. Но свой личный опытъ человѣкъ выражаетъ словами и передаетъ другимъ людямъ, а отъ нихъ воспринимаетъ, также въ формѣ рѣчи, выраженія ихъ опыта: опытъ обобществляется. Тогда онъ становится познаніемъ. Только тѣ продукты опыта, которые могутъ быть выражены словами и, стало быть, переданы отъ однихъ людей другимъ, входятъ въ область познаній. То, что не находитъ себѣ выраженія въ словахъ, то еще не принадлежитъ къ познанію. Элементъ познанія есть понятіе, которое обозначается словомъ, и не можетъ существовать безъ этого обозначенія. Познаніе есть обобществленный опытъ; и орудіемъ его обобществленія служитъ рѣчь*).

*) Здѣсь не приходится излагать подробнаго доказательства этой мысли. Къ счастью, она принимается въ наше время большинствомъ авторитетныхъ мыслителей; укажемъ на такихъ различныхъ

Очевидно, что область познания, со всемъ ея содержаніемъ, *вполнѣ опредѣляется* областью общественнаго опыта; а эта послѣдняя совпадаетъ съ областью общественнаго труда людей *). Поэтому развитіе познания необходимо должно *слѣдовать* за развитіемъ общественнаго труда, и должно ему *соотвѣтствовать*. То и другое, несомнѣнно, наблюдается въ дѣйствительности. Для поясненія мы приведемъ нѣсколько общихъ иллюстрацій.

Познаніе первобытнаго общества такъ же узко, ограничено, несовершенно и ненадежно, какъ его трудъ. Въ жизни преобладающее значеніе имѣетъ процессъ техничекій, и соотвѣтственно этому познаніе сводится къ небольшому количеству свѣдѣній непосредственно практическаго характера. Исключенія не составляютъ и такъ называемыя «суетвѣрія» первобытнаго человѣка: это тоже обыкновенно чисто практическія свѣдѣнія, и основное ихъ содержаніе сводится къ условіямъ успѣха или неуспѣха охоты, рыбной ловли, посѣва, — вообщемъ, того или иного производственнаго процесса. Отличіе «суетвѣрій» отъ вѣрныхъ практическихъ знаній въ томъ, что первыя представляютъ *неудачное* познаніе: граница успѣшнаго трудового опыта всегда есть также граница успѣшнаго познания; трудовая неприиспособленность обуславливаетъ познавательную, господство стихійной среды надъ человѣкомъ порождаетъ заблужденіе.

Каждый шагъ въ развитіи общественнаго труда расширяетъ область познания. Современное познаніе, съ его безконечно разнообразнымъ матеріаломъ, съ его специализаціей, съ его широкими, но еще не объединенными вполнѣ обобщеніями, есть вѣрное отраженіе современной трудовой жизни общества, съ ея

по воззрѣніямъ философовъ, какъ А. Риль («Der philosophische Kriticismus») и Р. Авенариусъ («Kritik der reinen Erfahrung»).

*) По вопросу о границахъ познания А. Лабріола (въ одномъ изъ «Писемъ къ Сорелю») говоритъ: «Ни а priori, ни а posteriori нельзя установить точныхъ границъ для познания; ибо въ процессъ труда, который есть опытъ, опыта, который есть трудъ, человѣчество познаетъ все, что ему нужно и полезно знать» (курсивъ мой. А. Б.).

колоссальнымъ развитіемъ техники, безконечно разнообразными средствами производится, специализаціей различныхъ его отраслей, тѣсной связью всѣхъ элементовъ этой системы, и въ то же время ея неорганизованностью въ ея цѣломъ. Какъ и производство, познаніе развивается въ наше время въ сторону болѣе и болѣе тѣснаго объединенія разнородныхъ элементовъ, въ сторону большей и большей организованности, болѣе и болѣе полного «монизма».

Самый характеръ познанія измѣняется въ строгой зависимости отъ характера общественнаго труда. Такъ, въ тѣ эпохи, когда формы труда были устойчивы, консервативны, когда трудовая жизнь укладывалась почти всецѣло въ рамки привычныхъ дѣйствій,—познаніе было *статическимъ*, т. е. на всѣхъ понятіяхъ и идеяхъ лежалъ отпечатокъ представленія о *неподвижномъ*, о *неизмѣнномъ* въ природѣ; природа являлась уму чловѣка системой самостоятельныхъ, прочныхъ, консервативныхъ *вещей*. Наоборотъ, когда формы труда сдѣлались подвижны и измѣнчивы, когда его приемы начали быстро развиваться и прогрессировать, когда дѣйствія людей стали пластичны,—тогда познаніе начало измѣняться въ сторону *историзма*, во всѣ элементы познанія стало проникать представленіе о прогрессѣ, развитіи, измѣненіи; природа въ сознаніи людей преобразовалась въ непрерывный рядъ *процессовъ*. Познаніе приспособилось къ новому типу труда, и само сложилось по новому типу*).

Чѣмъ больше возникаетъ рядомъ съ техническими формами формъ идеологическихъ, организующихъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ познаніе направляется также на идеологическую жизнь и ея

*) Подробнѣе разсматривать связь формъ труда и формъ познанія здѣсь не приходится. До извѣстной степени это сдѣлано въ нашей работѣ «Познаніе съ историч. точки зрѣнія» стр. 194—213). Что касается до обстоятельной разработки вопроса, то она потребовала бы обширной специальной работы. Въ этой же статьѣ дѣло идетъ только объ *основной точкѣ зрѣнія* на различныя области общественного процесса, въ томъ числѣ—на область познанія.

отношенія. Въ самомъ познаніи понятія высшія, болѣе отвлеченныя, или болѣе общія, болѣе широкія служатъ «организующими приспособленіями» для понятій низшихъ, болѣе конкретныхъ, для идей болѣе узкихъ, болѣе частныхъ, которыя приводятся ими въ связь и гармоническое единство. Проявленія обычая, жизнь правовая, нравственная, составляютъ обширѣйшую область познанія, даютъ матеріалъ для массы понятій, сужденій, мнѣній, теорій, для цѣлаго ряда наукъ. Не вполне естественно и понятно, что познаніе, имѣющее своимъ матеріаломъ идеологическую жизнь, сферу вторичныхъ приспособленій, отстаетъ отъ того познанія, въ основѣ котораго лежатъ первичныя приспособленія, жизнь техническая: «точными науками» до сихъ поръ являются только техническія и ихъ производныя — естественныя науки.

И въ области технической, и въ области идеологической роль познанія, какъ организующаго приспособленія, существенно одна и та же: гармоническое объединеніе общественно-трудового опыта.

Дѣятельность познавательная такъ же неразрывно связана съ социальнымъ инстинктомъ, такъ же имъ проникнута, какъ всякій иной общественно-трудоваго процессъ. Но здѣсь инстинктъ этотъ преобразуется еще въ новую форму: въ форму стремленія передать другимъ людямъ свой трудовой опытъ, и воспринять ихъ опытъ. Такое стремленіе всегда присутствуетъ во всякомъ познаніи, хотя далеко не всегда при этомъ отчетливо сознается. Нѣтъ и никогда не было такого «чистаго» познанія, которое было бы совсѣмъ лишено этого социального элемента; такое познаніе даже вообще невысказуемо: изслѣдуя явленія, расширяя свой опытъ, человѣкъ всегда стремится къ истинѣ; а истина именно и означаетъ *общеобязательное въ познаніи*, то, что обязательно для всякаго познающаго, а не только для даннаго лица; слѣдовательно, стремленіе къ истинѣ есть въ сущности стремленіе къ познанію для всѣхъ, хотя бы самъ познающій не сознавалъ этого; не даромъ же всякій, кто мыслить и изслѣдуетъ, чувствуетъ непреодолимую потребность такъ или

иначе выразить результаты своего познания, т. е. придать имъ социальную форму. Идеализмъ истины есть одно изъ превращеній социального инстинкта.

IX.

Рѣчь и познаніе, объединяя, какъ непосредственные переживанія людей, такъ и сложившійся трудовой опытъ, являются могущественными организующими приспособленіями въ жизни общества,—но полной, совершенной организованности они сами по себѣ еще не сздають. Они устраняють недостатокъ связи между людьми въ ихъ трудовой жизни, но не устраняють тѣхъ несовершенствъ, которые могутъ быть свойственны самой формѣ этой связи, ея строенію. При самомъ тѣсномъ общеніи между людьми въ ихъ трудовой жизни возможно, что ихъ взаимныя отношенія окажутся по своему характеру противорѣчивы, дисгармоничны.

Положимъ, что нѣсколько дикарей, членовъ одной родовой группы, охотятся въ одномъ и томъ же лѣсу. Одинъ изъ нихъ выслѣдилъ живую добычу и подкрадывается къ ней, а другой, увидавши это со стороны, самъ бросается и хватается добычу причемъ весь трудъ перваго, очевидно, пропадаетъ даромъ. Или, положимъ, тѣ же дикари вмѣстѣ наткнулись на сильнаго, опаснаго хищника, и принуждены защищаться отъ него; но нѣкоторые изъ нихъ обращаются въ бѣгство, причемъ остальнымъ оказывается гораздо труднѣе и бороться съ врагомъ, и убѣжать отъ него. Наконецъ, положимъ, по окончаніи охоты нѣкоторые захватываютъ себѣ изъ общей добычи такъ много, что другимъ остается меньше необходимого... Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ передъ нами выступаетъ взаимная неприиспособленность къ трудовой жизни, но зависитъ она, какъ видимъ, не отъ простого недостатка связи между людьми, а отъ несовершенной формы этой связи, отъ ея нецѣлесообразной организаціи.

Для устранения таковой неприиспособленности возникает третий ряд идеологических приспособлений — обычай. Развивается, напр., обычай не мешать другъ другу на охотѣ, помогать другъ другу въ опасности до послѣдней крайности, не брать лишняго изъ общей добычи, и т. п. Если отдѣльное лицо пытается нарушить обычай, остальные члены группы стремятся помешать ему въ этомъ, или даже удаляютъ его изъ своей среды. Слѣдовательно, сущность обычая заключается въ томъ, что люди привыкаютъ признавать извѣстные отношенія за нормальныя, и всюду, гдѣ наблюдаютъ отклоненіе отъ этихъ нормальныхъ отношеній, стараются воспрепятствовать ему или прекратить его. Такъ достигается большая гармонія и цѣлесообразность въ отношеніяхъ трудового процесса.

Идеологическая форма обычая уже предполагаетъ познаніе, и заключаетъ въ себѣ его элементы. Именно, обычай не мыслимъ безъ *понятій* и *сужденій* объ отношеніяхъ людей: признавать тѣ или иные отношенія за нормальныя значитъ прежде всего знать ихъ, и затѣмъ опредѣленнымъ образомъ судить о нихъ; то и другое совершается при помощи познавательныхъ актовъ, хотя, конечно, не одни только они образуютъ содержаніе обычая. Но объ этомъ намъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ *).

Первичный матеріалъ для обычаевъ должны были дать отношенія технического процесса, какъ основного въ общественной борьбѣ людей за ихъ жизнь и развитіе. Дѣйствительно, таковы въ наибольшей и главной своей части обычай первобытныхъ народовъ; примѣромъ могутъ служить хотя бы тѣ изъ нихъ, которые фигурируютъ въ нашихъ предыдущихъ иллюстраціяхъ. Но мѣрѣ того, какъ развивается жизнь идеологическая, обы-

*) Нерѣдко слово «обычай» употребляется въ иномъ смыслѣ — въ смыслѣ стихійной *привычки*, опредѣляющей собою дѣйствія людей настолько непосредственно, что они даже не представляютъ себѣ возможности поступить иначе. Таковы очень многіе «обычаи» докультурныхъ людей. Но обычай въ этомъ смыслѣ вовсе не есть «идеологія».

чай начинаетъ регулировать и ея отношенія; напр., онъ предписываетъ людямъ опредѣленные мнѣнія въ сферѣ религіи и познанія вообще, а также въ сферѣ нравственныхъ убѣжденій, и преслѣдуетъ все, что уклоняется отъ этихъ мнѣній и противорѣчитъ имъ. На раннихъ ступеняхъ культуры эта «вторичная» область развитія обычаевъ, разумѣется, сравнительно очень узка.

Впрочемъ, весьма нелегко провести строгую границу между тѣми обычаями, которые организуютъ отношенія людей въ техническомъ трудѣ, и тѣми, которые организуютъ процессъ идеологическій. Такъ, напр., «суевѣрный» обычай дикихъ племенъ щедро дѣлиться пищей съ умершими предками всякій съ перваго взгляда склоненъ будетъ отнести къ такимъ обычаямъ, содержаніе которыхъ дано «идеологіей»; а въ дѣйствительности это одинъ изъ того же ряда обычаевъ, который организуетъ распредѣленіе продуктовъ между живыми членами группы: первобытный человѣкъ еще не выработалъ специальныхъ отношеній къ мертвымъ сотрудникамъ, и дѣлится съ ними, какъ съ живыми.

Отъ обычая беретъ начало цѣлый рядъ однородныхъ съ нимъ идеологическихъ приспособленій. Таково обычное право, право культурныхъ народовъ, нравственность. По своему жизненному значенію они не отличаются отъ обычая: они также направлены къ гармонической организаціи взаимныхъ отношеній между людьми въ социальномъ процессѣ, сущность ихъ также составляетъ признаніе извѣстныхъ отношеній за нормы и стремленіе устранить все, что отъ этихъ нормъ уклоняется. Что означаетъ, напр., право собственности? Общественное признаніе того, что опредѣленное лицо можетъ безпрепятственно и исключительно пользоваться опредѣленными вещами, и общественное стремленіе помѣшать всякой попыткѣ нарушить это отношеніе. Что означаетъ нравственная обязанность сильного помогать слабымъ? Признаніе за норму такихъ отношеній, при которыхъ сильные поддерживаютъ слабыхъ, и стремленіе противодействовать отношеніемъ иного рода.

Обычное право отличается отъ первобытнаго «обычая» тѣмъ, что осуществляется съ меньшей стихійностью, и имѣеть свой специальный органъ — ту или иную «власть». Въ первобытной группѣ нарушение обычая вызываетъ непосредственное, чисто стихійное воздѣйствіе на нарушителя со стороны всей группы, какъ боль вызываетъ рефлекторное движеніе со стороны организма; между тѣмъ, напр., въ патріархально-родовой группѣ или въ федерально-организованномъ племени нарушителя обычнаго права сначала «судятъ», и осуществляется это право черезъ опредѣленныхъ лицъ — черезъ патріарха рода, черезъ совѣтъ старѣйшинъ племени и т. п.

Собственно «право», возникающее въ широкихъ государственныхъ организаціяхъ, отличается отъ обычнаго права еще меньшей стихійностью; оно еще въ гораздо меньшей степени имѣеть характеръ общественной привычки, такъ что обыкновенно нуждается для строгаго и точнаго сохраненія въ письменныхъ знакахъ — право писанное; и осуществляется оно посредствомъ цѣлаго ряда специально созданныхъ органовъ — властей судебныхъ и исполнительныхъ. Обыкновенно, такое право устанавливается господствующими группами общества и упрочиваетъ тѣ отношенія, которыя именно этими группами признаются за нормальныя, т. е. вообще говоря, выгодныя для нихъ отношенія.

Въ противоположность праву, нравственность стоитъ по своему типу ближе къ первобытному обычаю: она складывается также на основѣ привычныхъ отношеній, также не имѣетъ въ обществѣ своихъ специальныхъ, отдѣльныхъ органовъ, и также стихійна, непосредственна по своему характеру; нравственная оцѣнка, такъ сказать, рефлекторна, тогда какъ правовая основывается на обсужденіи. Но въ развитомъ обществѣ, гдѣ существуютъ система права, нравственность стѣснена въ своихъ проявленіяхъ, и не можетъ выражаться въ прямомъ, стихійномъ воздѣйствіи на нарушителя нормы, иначе она могла бы на каждомъ шагѣ столкнуться съ принудительной силой права. Поэтому непроизвольное воздѣйствіе на нарушителя нормы

здѣсь ослабляется до степени простого порицанія: безнравственно для данной группы или класса то, что вызываетъ порицаніе со стороны «общественнаго мнѣнія» этого класса, этой группы. Именно отсутствіе прямого, грубаго воздѣйствія на нарушителя нормы придаетъ нравственному стремленію характеръ особенной «духовности».

Отсюда становится понятна возможность перехода нормъ нравственныхъ въ правовыя, и правовыхъ въ нравственныя. Когда нравственная идея, напр., о томъ, что ростовщичество есть зло, получаетъ поддержку принудительной силы государства, она становится правовымъ установленіемъ (запрещеніе ростовщичества); когда правовая норма, положимъ, право кровной родовой мести, теряетъ принудительную поддержку, она, если стала настолько привычной, что еще сохраняется въ сознаніи людей, можетъ приобрести характеръ нравственной нормы (какъ это и наблюдается по отношенію къ кровной мести у нѣкоторыхъ отдаленныхъ племенъ, входящихъ въ составъ культурнаго государства, напримѣръ, отчасти до сихъ поръ у корсиканцевъ, калабріицевъ и т. п.) *).

Къ области обычая и права относятся многія изъ такъ называемыхъ «экономическихъ отношеній», именно отношенія имущественныя, форма собственности и распредѣленіе собственности въ обществѣ; какъ мы уже мимоходомъ указывали, сущность великой собственности заключается въ ея общественномъ признаніи и поддержкѣ принудительной силой общественной организациі. Читатель могъ видѣть, что мы избѣгали въ своемъ изложеніи самаго термина «экономика»; дѣйствительно, то

*) Когда нравственная идея облекается въ форму правового учрежденія, она конечно, еще не теряетъ отъ этого свой «нравственный характеръ, примѣненіе принудительной силы къ нарушителю нормы можетъ идти рядомъ съ общественнымъ порицаніемъ этого нарушенія; большинство преступленій противъ права въ то же время «безнравственны». Но когда правовое учрежденіе лишается поддержки принудительной силы, оно, очевидно перестаетъ быть «празомъ» въ строгомъ смыслѣ этого слова, и въ крайнемъ случаѣ сохраняетъ значеніе «нравственнаго права».

понятіе, которое онъ выражаетъ, не можетъ считаться удобнымъ для точнаго историческаго анализа: оно объединяетъ съ одной стороны такія отношенія *техническаго* процесса, какъ раздѣленіе труда, кооперація, вообще—формы сотрудничества, а съ другой—такія *идеологическія* отношенія, какъ отношенія собственности. Въ специальномъ изслѣдованіи экономиста эта двойственность основнаго понятія можетъ не представлять затрудненій, въ виду особенно тѣсной жизненной связи обоихъ элементовъ «экономики», но когда дѣло идетъ о выясненіи обоихъ законовъ историческаго развитія, тогда требуется особенная опредѣленность понятій, особенно строгое разграниченіе разнороднаго.

Но мы нѣсколько уклонились въ сторону. Возвращаясь къ нашему предмету изложенія, мы резюмируемъ въ немногихъ словахъ жизненное значеніе только что разсмотрѣнныхъ нами идеологическихъ формъ. Обычай, право, нравственность представляютъ изъ себя особый рядъ организующихъ приспособленій, направленныхъ къ достиженію наиболѣе гармоничныхъ взаимныхъ отношеній, между людьми въ общественно-трудо-вомъ процессѣ.

Соціальный инстинктъ въ сферѣ разсмотрѣнныхъ «нормальныхъ» приспособленій подвергается новому преобразованію. Онъ выражается здѣсь въ стремленіи осуществлять и защищать нормальныя отношенія, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, воплощаются жизненные интересы общества или группы. Но стремленіе это, при всемъ своемъ глубоко-соціальномъ характерѣ, можетъ и должно направиться противъ отдѣльныхъ членовъ общества — нарушителей нормы. Нерѣдко стремленіе это направляется въ отдѣльномъ лицѣ даже противъ этого самаго лица, когда носитель нормы является въ то же время ея нарушителемъ. Человѣческая психика не обладаетъ безусловнымъ единствомъ и, какъ всякая сложная форма жизни, часто заключаетъ въ собѣ внутреннія противорѣчія. «Борьба долга и чувства», а затѣмъ «угрызенія совѣсти» по случаю нарушенія долга означаютъ именно стремленіе человѣка воспрепятствовать тому нарушенію нормы, которое онъ самъ пред-

принимаетъ (въ «угрозѣхъ совѣсти» стремленіе это соединяется съ сознаніемъ невозможности его осуществить, что еще увеличиваетъ интенсивность внутреннего противорѣчія).

Такимъ образомъ, получается своеобразное явленіе: соціаль-
ный инстинктъ порождаетъ борьбу однихъ людей противъ дру-
гихъ, и даже противъ самихъ себя; и это возможно именно потому, что ближайшей цѣлью соціального стремленія выступаютъ здѣсь опредѣленные нормальные отношенія, а не сами люди, которые за ними скрываются. Отсюда возникаетъ особаго рода фетишизмъ: въ общественномъ сознаніи «нормы» или «принципы» права, нравственности, обособляются отъ самихъ людей, и представляются, какъ нѣчто самостоятельное; таковы фетиши «священной традиціи», «сословной чести», «абсолютнаго долга», «чистой справедливости», ради которой можно погубить міръ, и т. п. Всего меньше такого фетишизма въ формахъ обычая, которыя соответствуютъ еще довольно несложнымъ, и потому понятнымъ отношеніямъ между людьми; всего больше — въ «абсолютной» морали новѣйшихъ временъ.

Во всякомъ случаѣ, фетишизмъ этотъ неизбеженъ только тамъ, гдѣ нормативныя приспособленія реально недостаточны, не устраняютъ жизненныхъ противорѣчій общества, и гдѣ соціальный инстинктъ, вслѣдствіе этого, порождаетъ борьбу между людьми. Гдѣ устраняется эта борьба, тамъ нѣтъ мѣста и фетишизму. Тамъ идеализмъ права и справедливости, эта высшая изъ извѣстныхъ намъ формъ соціального инстинкта, долженъ преобразоваться въ иную форму, еще болѣе совершенную, но ясную и прозрачную для человѣческаго сознанія...

X

Мы разсмотрѣли жизненное значеніе основныхъ формъ идеологии, причемъ оказалось, что идеологія есть *организующее приспособленіе* въ общественно-трудовой борьбѣ за существованіе. Такая характеристика оказалась применимой ко всѣмъ основнымъ типамъ идеологическихъ формъ, несмотря на ихъ значи-